

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий
Фокс

ПОСИДЕЛКИ НА ЗАКАТЕ

ПОРНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 18. Посиделки на закате
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 18

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17082390
Полное собрание сочинений. Том 18. Посиделки на закате:
«Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-894-5

Аннотация

В 18-й том собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова вошли заметки из его постоянной рубрики «Окно в природу», которую он вел много десятилетий в газете. И рассказы о поездках к Агафье Лыковой в «Таежный тупик».

Содержание

Предисловие	6
1991	11
Золотой Доусон	11
Семейное дело Бинклей	22
Свидание с непуганым волком	35
Только самолетом...	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 18.

Посиделки на закате 1991-1994

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Человек – часть природы. Многое роднит человека с животными. И это ничуть не должно оскорблять наши чувства, потому что есть и различия. Принципиальные. Одно из них – моральные законы: совесть, долг, сострадание. Мать человеческая в отличие от матери-птицы как раз на слабом своем дитяти сосредоточит внимание и заботу... Сострадание к слабому – яркая человеческая черта. Болезнь совести свойственна только людям. Животные ее не ведают».

В. Песков

Предисловие

Когда вышли первые десять томов собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, в редакцию начали звонить читатели. Кто-то вспоминал о своих встречах с Василием Михайловичем, кто-то присылал фото. Но один звонок был с претензией: «Я читаю Пескова, а вы в предисловии к первому тому писали, что он не имел высшего образования, – несколько возмущенно отчитывал Николай Петрович из подмосковного Дмитрова. – Во-первых, человек без образования не может так великолепно писать. А во-вторых, кто бы его взял в вашу «Комсомольскую правду» без диплома-то!»

Ну, как-то я попытался объяснить Николаю Петровичу, что ошибки нет. Но все-таки, когда мы попросились, я понял, что все, что говорил, это всего лишь мое слово против его слова.

А тут, перечитывая записки Василия Михайловича, вдруг нашел, собственно, рассказ самого мастера о том, как он стал журналистом «Комсомолки», где проработал всю жизнь.

Думаю, узнать все от самого Пескова интересно будет не только Николаю Петровичу из Дмитрова.

Вот что записал Василий Михайлович:

«...Я увлекся фотографией так, что готов был и но-

чевать в маленькой комнатке с увеличителем и пузырьками проявителей-закрепителей. Куда пойти учиться, догоня товарищей, я не знал. Учитывать надо было положение в семье. Жили бедно, и надо было облегчать заботы отца. Короче, в институт дорога была закрыта. Да почему-то и не тянуло меня в институт. Я уже понимал, как важно в жизни кормиться любимым делом. Любимое дело само шло в руки, но можно ли им кормиться? Мучительно размышляя обо всем, что может меня ожидать, я все же решил, что буду фотографом. В школе мой выбор не одобряли: «Фотографов сейчас: палку брось – попадешь». Чутким сердцем поняла меня только мама – уговорила отца (счастливый день!) купить фотокамеру. И он купил.

...В Воронеже, проходя по главной улице, в то лето увидел я нарядную вывеску «Художественная фотография» и просто остолбенел – это же для меня! Уговорил заведующего, как оказалось, артели взять меня учеником фотографа.

...На мое счастье, вскорости учредили в артели должность разъездного фотографа и решили: молодой и легкий на подъем ученик для этого как раз и годится...

И наступила сразу иная жизнь. Я сделался вольной птицей – снимал свадьбы, похороны, малышей, начинавших ходить, тещ, приехавших в гости, вселенья в квартиры, проводы в армию... Все делал я с радостью. И

все получалось – в контору стали звонить с благодарностью. И я почувствовал, что, кажется, не ошибся, ощущенью выбирая стезю.

Но жизнь уготовила более ценный подарок. Бродячий фотограф кое-что делал, не только выполняя заказ, но и для своего удовольствия. Однажды мои «творенья» увидел кто-то из молодежной газеты: «Да ты же неплохо снимаешь! Зашел бы к нам...»

С волнением переступил я порог молодежной газеты, с волнением потому, что думал: журналисты – это люди, у которых под пиджаками белые крылья. А люди оказались обыкновенными, доброжелательными, любителями шуток и анекдотов. Несколько снимков моих напечатали. И скоро я стал в газете своим человеком. Тут все необычное и интересное поощрялось. Однажды позвал меня в свой кабинет редактор Борис Иванович Стукалин: «У тебя неплохо получаются и подписи к снимкам. Попробуй что-нибудь написать...» Что я знал в то время? Решил написать о природе, любил которую с раннего детства. Заметка моя («Апрель в лесу») получилась немаленькой – почти на газетную полосу. Но ее напечатали. И в тот же день редактор сказал: «Бросай свою «художественную артель», переходи к нам в редакцию».

В «Молодом коммунаре» я работал три года. Вспоминаю их с благодарностью. Все было мне в радость: газет-

ная суматоха, деловое товарищество, доброжелательность, причастность к серьезному делу, и, главное, я почувствовал: дело это по мне и я должен им дорожить.

В 1956 году с благословения главного редактора послал я заметку в «Комсомольскую правду» (любопытно, что это тоже была «лесная история»). И неожиданно получил телеграмму: «Ваш очерк будет опубликован...» – и называлось число. Жил я за городом, и на вокзале в Воронеже, развернув в урочный день «Комсомолку», увидел свое творенье – очерк и снимок под заголовком «Когда бушевали метели». В «Коммунаре» меня, понятное дело, встретили именинником. А из Москвы позвонили и попросили написать что-либо еще. Я написал. И в редакцию заглянул побеседовать со мной собкор «Комсомолки» в Воронеже Петро Бондаренко.

Дошлый журналист подробно обо всем меня расспросил и сказал напоследок, что речь идет о приглашении на работу в Москву. Я отмахнулся: «Петро, у меня же десятилетка...» Петро прищурил свой единственный глаз и сказал: «А у меня только четыре класса, у Бунина – гимназия, у Горького – начальная школа. Компания, как видишь, не так уж плоха».

И вот уже без малого пятьдесят лет я работаю в «Комсомолке». Я обязан этим множеству добрых людей и самой газете, с которой у меня сложился, как я говорю, «счастливый брак по любви». Работая в «Комсомолке»,

я многому научился, много повидал в своей стране и побывал во многих уголках мира. Оглядываясь назад, могу сказать: это были счастливые для меня годы. Счастливые еще потому, что, следуя правилу обращения к лучшему в человеке, я обрел чутких читателей и всегда ощущал, что законно ем хлеб за общим нашим столом»...

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1991

Золотой Доусон

В разное время его называли по-разному: «Город любви», «Париж севера», «Сердце Клондайка». Город, «населенный комарами, собаками и золотоискателями», – добавил Джек Лондон. Сегодня же можно сказать: «населенный туристами». Джек Лондон способствовал этому, десятки раз упомянув Доусон в своих обошедших весь мир рассказах. И сегодня во всех туристских проспектах городок называют «Золотой Доусон».

Рожденный золотой лихорадкой, остро переболевший ею, Доусон должен был умереть, превратиться в город-призрак, каких немало в Америке. Однако дышавший на ладан северный городок с 60-х годов стал возрождаться и превратился в город-музей. Таких городков по свету немало. И если одни из них, например Суздаль, – величественная опера о прошлом, то Доусон – оперетка: «каков амбар, такова и тень от амбара».

С самолета нынешний Доусон выглядит россыпью невысоких строений в том месте, где речка Клондайк вливается в Юкон. Видно сверху черточки улиц, прогулочный пароходик с черной трубой, комариные толпы туристов у пристани,

паром через Юкон...

Мэр города, встречавший нас на летном поле возле Клондайка, дает визитную карточку. На ней – рисунок лопаты и кирки. Мэр копает тут золото в прямом и образном смысле – владеет прииском и отелем, название которому, разумеется, «Эльдорадо». В городе сейчас 1800 жителей. Почти все заняты обслуживанием туристов. Одному из них мэр поручает нас с Сашей Далицким – моим другом и переводчиком, и мы оказываемся пассажирами длинного многоместного экипажа, запряженного парой белых породистых лошадей. Управляет повозкой сухощавый человек в «шестиголонной» шляпе, ковбойских сапожках, кожаных желтых перчатках и, разумеется, с кольтом. Ковбоев в этих местах не было, но это не важно – в оперетке все допускается, было бы колоритно. На зависть многочисленным пешеходам экипаж наш едет по «Всемирной столице золота» – было и такое название городка.

Герой опереточного города – «ковбой».

17 августа 1897 года (история помнит великие даты!) некто Джордж Кормак, ловивший с двумя индейцами рыбу на речке Клондайк, в ручье Бонанза обнаружил золотой самородок. Через несколько дней сотни людей захотели такой же удачи. А когда первые две тонны золотого песка были привезены в Сан-Франциско и телеграф разнес по миру известие о находке золота на Аляске, сто тысяч людей лихорадочным потоком, преодолевая неимоверные препятствия, погибая в нехоженных ранее дебрях, устремились на север. Конторщики, плотники, учителя, адвокаты, торговцы, миссионеры, портные, игроки, полицейские – все, кого вынуждала судьба (в Соединенных Штатах это было время депрессии, безработицы) или кто хотел стать богатым немедленно, шли бок о бок по горным увалам, по ледяным тропам, плыли по озерам и по речным каньонам на лодках, а когда воды сковало морозом, тащились вперед на собаках. Конечным пунктом 700-километрового пути был Доусон, до этого никому не ведомое селенье на Юконе, летом изводимое тучами комаров, а зимой морозами в пятьдесят градусов.

За несколько суток селенье, состоявшее из рубленых хижин, превратилось в громадный палаточный лагерь, в котором как грибы росли салуны, игорные дома, наскоро срубленные ночлежки, лавки. Расчет за все велся самой надежной в мире валютой – золотым песком в полотняных, похожих на колбаски мешочках. Обратимся к свидетельству тех, кто изучал специально то бурное время Аляски. «До-

усон оказался развеселым палаточным городком с пятидесятным населением и непролазной грязью на главной улице, по обеим сторонам которой выстроились салуны. В них не только пили. В них спали, покупали продукты, совершали сделки, плясали с танцовщицами... и проигрывали золотой песок... Продовольствия не хватало, порция яичницы с ветчиной стоила три с половиной доллара. Со всех концов света в город съехались крупные авантюристы. Великое множество проституток под присмотром конной полиции было переправлено за реку в так называемый Луз таун».

Постепенно в «Париж севера» пришли электричество, телеграф, банки, появился хороший театр, привлекательные дома. Число жителей выросло до двадцати пяти тысяч. По масштабам севера это был уже большой город – Золотая столица, а «провинцией» были ручьи, на которых кипела работа».

Добыча золота на Клондайке – это не одиночные одна-две избушки с дымками из труб. Долины золотоносных ручьев на сохранившихся снимках похожи на муравейники: сотни людей, палатки, хижины, горы промытых песков, деревянные желоба, настилы из досок для тачек, пыхтящий локомотив, вагонетки на рельсах... Счастливицы намывали золотого песка на две тысячи долларов в день. Но счастливых было немного. Тут кто-то разбогател, кто-то погиб, кто-то вернулся домой беднее, чем был. Всего на Клондайке было добыто более 300 тонн золота. Когда ручьи истощились и приливная

волна добытчиков схлынула, оставляя возле речек лопаты, кирки, колесную технику, паровые котлы, горы песка и гальки, Доусон опустел. На древе жизни быть бы ему опавшим листом, но нынешние возможности людей ездить, плавать, летать и жажда все видеть возбудили интерес к страстям, кипевшим тут без малого сто лет назад.

И вот уже «Золотой Доусон» означен во всех туристских проспектах. Три летних месяца река любопытных (шестьдесят тысяч, главным образом европейцы) протекает через эту далекую точку севера. И Доусон вымывает золото из карманов сюда приезжающих.

Каким образом? Ну, во-первых, вот – казино. Тут, как и прежде, возле рулетки можно оставить немалую сумму. Вот гостиница. Для владельца она в самом деле как ручей Эльдорадо – сто двадцать долларов в сутки. Вот музей, где можно увидеть скопище поржавевшего, «дышащего историей» железа – старые паровозы, локомобили, кирки, ножи, лопаты, котлы, фонари, весы, на которых отмеряли золотой песок, подсвечники из салунов, утюги, зеркала из публичных домов. Это все и само по себе интересно как бытовое ретро, но тут за каждой железкой стоит знаменитая лихорадка.

Вот вблизи современной гостиницы покосившийся рубленый дом «тех времен». Его охраняет закон как ценность истории. Таких объектов в Доусоне тридцать пять – домишки, хижины, лавки, амбары, здание почты. Мэр, подсевший к нам в экипаж, сказал «ковбою»:

– К театру...

Театр только что отреставрирован. Два яруса и партер сверкают полировкой красного дерева. Высокое помещение залито потоками непривычного желтоватого света. Мэр, довольный, что мы заметили это, показывает нам лампочки. «Времена Эдисона. Специально заказывали такие при реставрации». В театре есть труппа актеров. Шекспира, разумеется, тут не ставят. Как и «в те времена» – водевили, комедии, канкан танцовщиц.

Колорит «города золотой лихорадки» изобретательно поддерживается. Служащие отелей, магазинов, почты, музеев одеты, как одевались сто лет назад, – шляпки, передники, длинные пышные юбки. «Смотрите, под верхней – еще нижняя, белая», – показала свои наряды стайке туристов веселая провожатая. На сезон – подработать – в Доусон приезжают студенты. Для них, как в театре, существует специальный гардероб – примеряй, что подходит для твоей роли. Их инструктируют: «Во всем должна быть легкость, даже некое легкомыслие. В такой атмосфере люди охотнее расстаются с деньгами и уезжают довольными, что тут побывали».

– Рекомендую, познакомьтесь с этим джентльменом, – сказал нам мэр, попросивший «ковбоя» остановиться у живописной конторы-хижины, где продавались билеты на парходную прогулку по Юкону.

Подмигнув, мэр поспешил по каким-то своим делам, а мы на час оказались в обществе капитана Дика Стивенсона. Ка-

питан задумчиво сидел на ступеньках конторы, из окошка которой выглядывала его жена – продавщица билетов. Капитан, как и старенький его пароходик времен Марка Твена, был колоритен – нос красный, небрит, слегка выпивший (а может, так полагалось себя подавать), он немедленно пригласил нас стать членами клуба «Соленый палец». Мы, конечно, пожелали узнать, что за клуб. Оказалось, во времена золотой лихорадки собиралась тут компания выпивох. Принимали в нее лишь тех, кто мог опрокинуть стакан настойки... на отмороженном пальце. Такого рода исторический факт в Доусоне мог иметь место. Неопределенного возраста Дик Стивенсон решил традицию возродить. В клуб принимаются все посетители Доусона. Дик принес книгу записей клуба:

– Вот, смотрите – голландцы, немцы, французы, испанцы, норвежцы, янки... русских пока что нет. Будете первым. Взнос – бутылка виски или, если хотите, водки. Посидим, поговорим. Хотите, выпьем. И вы – члены клуба «Соленый палец».

Чтобы рассеять наши сомнения в серьезности дела, Дик полез в карман капитанской куртки и достал стеклянную баночку с солью, в которой, глазам не поверили, лежал... посиневший, с большим ногтем палец мужской ноги.

– Один знакомый хирург, член клуба, прислал мне в подарок. Говорит, ампутировал у обморозившегося охотника. Пока мы мирно беседовали с капитаном, вокруг собра-

лась толпа любопытных туристов. Накрахмаленные старушки-американки ахали, молодежь хохотала. Невозмутимым оставался лишь капитан, выдававший за умеренный взнос свидетельство о вступлении в клуб... То ли кто-то придумал сюжетик и нашел на колоритную роль подходящего человека, а может, Дик Стивенсон, выросший тут, на Юконе, несет в своих генах дух «того времени» и пришелся ко двору в опереточном городке. Останавливает внимание, запоминается, что еще нужно?

Самое ходовое слово в «Золотом Доусоне» – «золото». Все тут золотом дышит, все вокруг золота вертится, на всем лежит его романтический отблеск. Постройки, музейные экспонаты, названия ресторанов, улиц, гостиниц, сувенирных лавок и окрестных местечек, куда зазывают туристов, – все так или иначе связано с золотом. На выходе из городка, просунув голову в дырку разрисованного полотна, вы можете сняться в образе бородатого золотоискателя. На память Доусон предлагает купить бесчисленное количество изделий – кольца, броши, часы, браслеты. А можно купить золотой самородок или щепотку золотого песка.

Мэр города во время праздничных и деловых церемоний надевает на шею золотую медаль, алая лента которой украшена шестнадцатью самородками – по числу золотоносных ручьев Клондайка. Я попросил мэра: нельзя ли взглянуть на медаль?

– Почему же нельзя, пожалуйста. – Мэр открыл сейф. –

Красивая штука. Надевая ее на шею, я становлюсь дороже сразу на двадцать три тысячи долларов.

Золото, золото... Золотой в этом городе кажется даже пыль, поднятая ногами туристов.

В завершение впечатлений тут можно и самому попытаться намыть пылинки металла. Платишь доллар – тебе дают похожий на банную шайку железный лоток. Загребаяешь им из ручья порцию гальки с песком и начинаешь, меняя почаще воду, вертеть лоток. Уходит муть – выбираешь руками гальку. Золото, даже малая его крупинка, ляжет на дно, а все остальное надо терпеливо смыть. В этом вся технология добычи золота, известная человечеству уже шесть тысяч лет. Она одинакова, вертишь ли этот лоток или работает громадная, как пароход, драга... Я отчаялся разглядеть в тонком слое песка желанную золотую пылинку. Но мне сказали: не надо сдаваться. И наконец вот они, блеснули две золотые пылинки! Их тут же упаковали в стеклянную, заполненную водой капсулу и вручили ее вместе с похожим на бумажные деньги свидетельством о том, что такой-то был на Клондайке, мыл золото и кое-чего добился. Таков финал оперетты с названием «Золотой Доусон».

Джон Бинклей, зная, как мне хотелось «намочить нос» в Клондайке, показал тропку, по которой от аэродрома можно сбежать к реке... И вот он, Клондайк, тысячи лет перетиравший кварц, в котором спрятаны жилки металла, рождающего человеческие страсти. Обыкновенная речка, бегущая

по камням. Не очень глубокая, говорливая. По берегам – заросли трав, ивняка, осин и ольшаника. Пяти минут мне хватило разуться, забрести в воду и смыть с лица пыль. Клондайк – речка, каких тут тысячи. Но тридцать лет после покупки Аляски Соединенными Штатами она пребывала в неизвестности. Клондайк заставил о ней говорить.

Бросив на прощание пару камешков в воду, я побежал к самолету. А минут через десять мы опять увидели Доусон сверху, сделали над ним круг, уже узнавая, что и где в городе расположено.

Хорошо поработав в короткое лето, зимой, подобно местным медведям, городок засыпает. Тысяча восьмьсот его жителей отдыхают от наплыва туристов – охотятся, пилят лес, запасаются сувенирами из меха, дерева и, конечно, из золота, которое тут помаленьку все еще добывают.

• **Фото автора. 19 февраля 1991 г.**

Семейное дело Бинклей

Приезжающий на Аляску непременно сунет нос в туристский проспект. И там среди ярких картинок он непременно увидит пароход, вызывающий в памяти Марка Твена, – высокая труба с черным ажурным кокошником, сзади – гребное красное колесо, нарядные палубы... И если пути приведут человека в Фэрбанкс, тут пароход он увидит едва ли не на каждом рекламном листе. И, конечно, у него появится желание прокатиться на этой посудине, напоминающей постройку знаменитого Диснейленда, потому что дым из трубы не идет, гребное колесо на корме крутит не паровая машина, а дизель.

Аляскинец Джон Бинклей, когда мы с ним познакомились, рассказал историю судна и пригласил в Фэрбанкс.

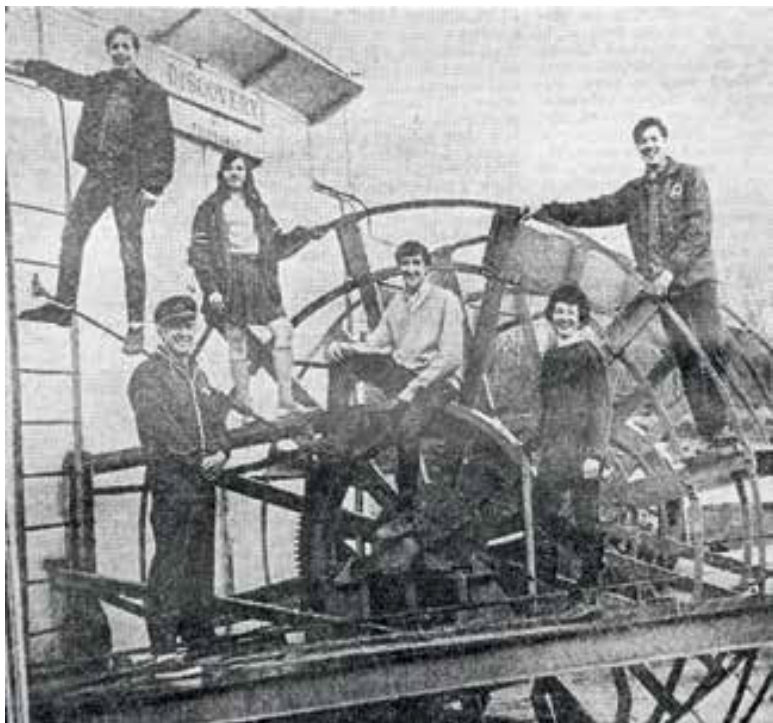
– Я штурман. Если появишься в навигацию, считай себя почетным пассажиром. Доверю даже штурвальное колесо...

Некоторые мечты и планы сбываются. Июнь. Жара под тридцать. В числе тысячи пассажиров поднимаюсь на борт «Дискавери». Публика со всей Америки путешествует по Аляске, и вот он перед ней – знакомый по картинкам «колесник». На главной палубе с микрофоном, в фуражке с «краном» – загорелый, обаятельный капитан, сошедший, кажется, с голливудских экранов. Рядом – жена капитана. Ее роль: всех устроить, удобно расположить, всем улыбнуться и, если

капитан уйдет в рубку, взять микрофон и продолжить рассказ обо всем, что видят с борта туристы.

В рубке двое сыновей капитана Бинклей – Скип и Джон, оба дипломированные штурманы. Река Чена подходит больше для лодок. «Дискавери» на ней тесно. Но штурманы дело знают – отчаливаем, разворачиваемся и плывем.

И сразу начинаются чудеса путешествия. По левому борту с небольшого поселкового аэродрома почти рядом с судном круто вверх взмывает маленький самолет. «Сорвиголова», настоящий аляскинский буш-пилот!» – говорит в микрофон капитан. И все, кто стоял по левому борту, ахнули, восхищенные – надо же, как повезло увидеть такое. «А в этом домике ночевал приезжавший на Аляску президент Рейган...» «Дискавери» наклоняется теперь на правый борт. Но если места у борта недостает, можно наблюдать за берегом прямо в салоне на телеэкранах.

Бинклеи у пароводного колеса.

Речка Чена течет в глинистых, опущенных ивняком и ольшаником берегах. В светлом мелком осиннике островами темнеют высокие ели. Синеют вдалеке горы. Капитан объясняет: когда-то индейцы плавали тут на легких, из бересты лодках, ловили бобров, а в горных долинах подстерегали оленей...

Между тем первая остановка. И сразу из-за леса к берегу, подымая нартами пыль, мчится собачья упряжка. Сюрприз: управляет собаками знаменитая Мэри Шилз, первая женщина, участвовавшая в тысячекилометровых аляскинских гонках. Мэри показывает, как запрягают собак, демонстрирует нарты, поклажу, под визг ребятишек и взрослых на палубе делает круг по поляне. И мы отплываем. Еще одна остановка – индейская деревушка. Стоят приземистые бревенчатые хибарки. Горит костер, вялится на вешалах рыба, на стене хижины растянута шкура медведя, висят охотничьи ловушки, гарпуны, старушка аборигенка при появлении туристов берется за вышивку бисером, старик-индеец, спасаясь от комаров у костра, плетет корзину...

Многовато сюрпризов за короткое время. Но мы имеем дело с нынешним феноменом туризма. Когда-то «Дискавери» ходил на Юкон. Но желающих путешествовать стало много. Высаживать сотни туристов и наводнять ими индейские деревушки? Этот путь ничего хорошего не сулил. Да и не все хотели долго и утомительно плавать. Выход был найден. Придумали водный маршрут с элементами музея и знаменитого Диснейленда. В нужных местах на реке построили индейскую деревушку («лучше, чем настоящая»), построили домик в лесу и поселили в нем знаменитую Мэри Шилз. За каждый выход к пароходу ей платят семьдесят пять долларов. Платят живущим в поселке индейцам. Буш-пилот, лихо взлетающий при отходе «Дискавери», – местный водопро-

водчик, имеющий свой самолет. За каждый взлет ему платят тридцать пять долларов. И когда в воде возле судна вдруг видишь вольно гуляющего бобра, то первая мысль: зверь тоже работает по контракту. Для участников путешествия кухня подготовки сюрпризов, конечно, остается «за кадром». Они о ней только догадываются и вовсе не осуждают. Напротив, счастливы. Не надо кормить комаров и мять ботинками грязь в какой-нибудь хижине. Все видно с палубы. Все доступно и малышу, сидящему на плечах у отца, и накрахмаленной, не потерявшей интереса к жизни старушке, прилетевшей на Аляску из Оклахомы. Восемнадцать километров – четыре часа – тридцать пять долларов с человека. Такова арифметика путешествия на «Дискавери». Это, конечно, ветка на древе нынешней массовой культуры. Но вольному воля. Хочешь настоящее путешествие – снаряжай лодку, бери на плечи рюкзак, будь готов к единоборству с аляскинскими комарами, к встрече с медведями. Таких туристов немало. Но большинство предпочитают тур на «Дискавери» – доступная информация об Аляске, хорошие впечатления, снимки на память и почти домашний комфорт...

«Дискавери» между тем из реки Чены входит в Танану, левый приток великого Юкона. Сразу видно – иная вода. В чистой и светлой Чене отражается голубизна неба, Танана – мутная, серая. Течение быстрое, единого русла нет – много притоков и островов. Стоящий у руля Джон смотрит в оба. Ход «Дискавери» убавляет возле рыбной ловушки, из-

вестной только тут, на Аляске. На оси, укрепленной в стоящей на якоре раме из бревен, вертятся два сетчатых черпака. Течение крутит вертикально стоящее колесо. Время от времени черпаки захватывают в воде идущую на нерест рыбу. В верхней точке подъема с пологого дна черпака рыба скатывается в боковой ящик – накопитель. Надежно и просто днем и ночью работает этот изобретенный неведомо когда индейцами автомат. Приезжай только выгрести рыбу. Это последняя изюминка путешествия. «Дискавери» ищет место пошире для разворота. И вот опять мы в объятиях берегов голубой Чены. Плыдем уже без остановок. Тысяча пассажиров шумно переживает увиденное, заедает впечатление бутербродами и мороженым, то и дело «стреляет» шампанское. Покупаются сувениры – банки консервов, майки, открытки с портретами капитана. И все хотят получить автограф у обаятельного человека на купленной тут же красочной книге, в которой рассказано о четырех поколениях семьи Бинклей – речников на Аляске.

Причаливаем. Путешествие «Былая Аляска» окончено. Неподдельно счастливые пассажиры высыпают на берег. И уже подъезжают автобусы с экскурсантами нового рейса.

Пока Мэри Бинклей одаривает улыбкой вновь прибывших, я в рубке беседую с капитаном Джимом Бинклей и его сыновьями Джоном и Скипом.

Семья Бинклей – старейшая на Аляске. Родоначальник речного бизнеса Чарльз Бинклей пришел сюда в годы аляс-

кинской золотой лихорадки. Шел по знаменитой снежной тропе, одолел Чилкутский перевал, мог там встретиться с Джеком Лондоном. Но, так же как Лондон, семнадцатилетний Чарльз не поддавался горячке поисков золота. Его интересовало путешествие в эти края, и был он страстным любителем водных путей.

«Второе поколение» рода Бинклей, нынешний респектабельный капитан Джим Бинклей родился в тот год, когда судоходство на Юконе умерло. Убили его авиация и железная дорога, связавшая южное побережье с центром Аляски. Речные корабли остались ржаветь у берегов. Чарльз Бинклей перебрался в те годы в «нижние» штаты, плавал по Миссисипи и Великим озерам. Сынишка Джим, не покидавший рулевую будку отца, был «пропитан» рассказами об Аляске и уехал на север сразу, как возмужал.

Плавал Джим Бинклей на маленьких суденышках рулевым. Во время войны возил на Юкон в Галину бензин для самолетов, перегоняемых через Аляску в Сибирь. Помнит встречи с советскими летчиками. «Это было время «дикой Аляски». Случалось, по десять – пятнадцать часов стояли и ждали, когда через Юкон переправятся табуны карibu».

Семейным делом Бинклей обзавелись, когда после войны Мэри и Джим, одолжив четыре тысячи долларов, купили пятнадцатиместный прогулочный катерок и стали возить любопытных на Юкон. И были счастливы, что кормились любимым делом – «с реки». И тут оказалось, что ветер ду-

ет с большим напором в паруса начатого ими дела. Одной из важных ценностей жизни быстро становился туризм, туризм массовый. И Аляска – «последнее пограничье» в освоении континента – сделалась привлекательным местом для путешествий. Катерок чета Бинклей сменила на судно, бравшее на борт пятьдесят пассажиров. Через четыре года уже сто пятьдесят человек отправлялись с капитаном Бинклей на Юкон. Потом появился «колесник» на триста пятьдесят пассажиров. И вот недавно в Сиэтле построен «Дискавери-3» – тысяча пассажиров!

Семейная фирма Бинклей – невеликое предприятие на Аляске, но добротное и заметное. В предпринимательстве, как и в добыче золота, важно напасть на жилу. Потому-ки Чарльза Бинклей, чей пожелтевший портрет висит в доме на самом почетном месте, не упустили своего шанса. А семейная слаженность, трудолюбие и энергия не только хорошо кормят, но служат в Фэрбанксе примером житейской опрятности, честности и всех других добродетелей старой доброй Америки, привившихся тут, на Аляске.

Сыновья-штурманы в этой семье – взрослые, зрелые люди. У каждого свой дом, выводок ребятишек. Но все сплочены не только родством, но и делом, в котором у каждого свое место и от которого каждому своя доля. А дом отца – место семейных встреч, надежная житейская пристань. Все в этом доме добротно, но без излишеств и в обстановке, и в образе жизни: спать расходятся рано, и подъем для всех ранний.

Капитану семьдесят. Но он в очень хорошей форме и мог бы, кажется, совершить за штурвалом кругосветное путешествие – подтянут, бодр, излучает жизнерадостное спокойствие. Это особое его качество заметило местное телевидение. Капитана приглашают в рекламные передачи, и лицо его знают по всей Аляске...

Я беседовал с капитаном на судне, в рубке. Три сына в форменных штурманских безрукавках сидели тут же, а внуки гроздьями висли на рулевом колесе.

– Четвертое поколение... – сказал капитан, наблюдая за ребятишками. – Помню себя с такого же возраста. Все пытался добраться до верхней ручки.

Размышляя о прожитом, старший Бинклей говорит, что главная гордость его – не имущество, не образцово поставленный бизнес. Главное, что детей удалось вырастить людьми добрыми и что в них продолжает жить пионерский дух дела Чарли.

– Скип, Джим, Джон, правильно я говорю? – весело обернулся капитан к сыновьям.

– Ну даешь, отец, не разговор, а реклама по телевидению, – отшутился за всех старший, Скип.

Близко из сыновей Бинклей я познакомился с младшим, Джоном. В первый приезд на Аляску нас пригласили на «дружеский вечер к сенатору». Я прибыл, когда пива, которое тут заедают «алаяскинскими конфетами» – кусочками копченой рыбы, было выпито уже много. Все галдели, кто-то

пробовал уже петь. Я спросил: а где сенатор? Мне показали на юношу, почти мальчишку.

– Джон Бинклей, сенатор, – представился молодой человек при знакомстве. – А это моя жена. Пойдемте, мы покажем своих наследников.

Наследников в детских комнатах было четверо. Трое спали, а старший сидел у компьютера.

– Сколько ж их будет, когда вы станете президентом?..

С этого вечера мы с сенатором подружились. Из разговора я узнал о деде Чарли, о том, как нынешний «колесник» трое братьев вели по Юкону в Фэрбанкс. Узнав, что пассажирское плавание – обычное дело на наших реках, Джон заставил меня на бумаге изобразить, как выглядят пассажирские пароходы, – «вот бы проплыть!»

Узнал я: в двадцать два года Джон Бинклей проехал на мотоцикле от самой северной точки Аляски до оконечности Южной Америки. Сто сорок два дня в пути! Ехал при пятидесяти градусах мороза, потом в тропическую жару.

Свою кандидатуру в сенаторы штата Аляски Джон выставил в округе на реках Юконе и Кускокуима, где фамилию Бинклей хорошо знают. Чтобы приблизиться к нуждам своих избирателей, Джон купил себе дом в маленьком, богом забытом комарином тундровом Бетеле. По рекам и на маленьком самолете побывал во всех эскимосских и индейских поселках. Там поверили простому открытому человеку. И не ошиблись. Джон хорошо защищает интересы индейцев

и эскимосов в столице штата.

Узнав, что я намерен писать об Аляске, Джон сказал:

– Я твой помощник.

– А «Дискавери» и заседания в сенате?..

– Найдется время...

И нашел. На самолете Джона мы слетали в Канаду на знаменитый Клондайк. Потом полетели в Бетел, а оттуда – по деревенькам на Юконе с ночлегами, с разговорами о местном житье-бытье, с дружескими свиданиями и посвящением в текущие нужды.

С помощью Джона я на лодке проплыл более ста километров по Юкону. И вот уж правда, гора с горой не сходится, а люди могут сойтись неожиданно. В Москве на Масловке утром раздался телефонный звонок.

– Ответьте Аляске... – И очень знакомый голос: – Василий, через неделю я прилечу в Ленинград по рыбным делам – наказ моих избирателей. Жена разрешила мне на пять дней-ков задержаться. Прилечу с сыном. Не могли бы мы прокатиться на речном теплоходе?

Навигация уже кончилась. Но ходил еще теплоход из Ленинграда на Валаам. И нас на нем приютили. Это было большое хорошее судно с каютами, с современной навигационной техникой. Увидели мы большую ладожскую воду, расцвеченный осенью Валаам, бывшее величие монастырских построек. Увидели разворошенный, возбужденный человеческий муравейник Ленинграда.

Провожал я Джона с сыном в Москве. Побывали всюду, где можно побывать за день. На Ленинских горах, вблизи университета, Джон с сыном повалились в опавшие листья и стали барахтаться, как котята.

– Ваши знакомые? – остановился почтенного вида прохожий с палочкой.

Я улыбнулся:

– Американский сенатор с сыном...

Старик посмотрел недоверчиво и раза два с осуждением оглянулся, полагая, что я не очень вежливо с ним пошутил.

На шереметьевском аэродроме, когда прощались, Джон сказал:

– Прилетай еще на Аляску...

Я ответил, что надо бы «прожевать» уже собранное...

– Но ты говорил, что на снимках нет снега. Прилетай, Аляска снег гарантирует!

И вот на столе у меня официальное, со всеми титулами Джона Бинклей приглашение. А на отдельном листе приписка: «Снегу кругом навалом, морозы – что надо. В марте будет много и солнца. Увидим гонки собачьих упряжек, побываем у индейцев-охотников...»

Таков Джон Бинклей – деловой, открытый, доброжелательный. Мать, отец, братья, сестры, конечно, гордятся Джоном-сенатором. Но и добрая слава трудолюбивой дружной семьи – большой капитал для человека в мире политики. Не удивлюсь, если услышу, что Джона выбрали губернато-

ром штата или что Аляска доверила Джону представлять ее интересы в самой столице Америки. Большому кораблю – большое плавание.

- **Фото автора. 20 февраля 1991 г.**

Свидание с непуганым волком

30 августа мы проснулись в палатке, когда серая сойка, хватавшая вечером еду у нас из-под рук, уже сидела на елке: пора, мол, завтракать. Надо было вылезать из спальника, а не очень хотелось. Жухлые травы возле палатки за ночь как будто посыпали солью. По Фаренгейту было плюс двадцать один, что в переводе на шкалу Цельсия означало шестиградусный тихий морозец. В низины этот верный сигнал наступающей осени придет позже, а тут, на горном плато, осень успела прижиться, ночные морозы преображали зеленый мир тундры в разливы желтых и красных цветов. Сойка, сидя на елке рядом с палаткой, нетерпеливо крутила головой. Она уже знала: из палатки непременно кто-нибудь вылезет, будет греметь на тяжелом столе посудой. За отвагу и поразительное нахальство эту птицу на Аляске зовут «пикниковый воришка». Тут же в национальном парке, в местах, где ставят палатки и готовят на костре пищу, сойки похожи на деловитых сборщиков дани. И, конечно, попрошаек тут балуют, хотя все инструкции запрещают животных кормить. Позавтракав в обществе птицы, попрыгав для согрева тела, мы стали ждать назначенной встречи.

Накануне в управлении национального парка нам сказали: «Въезд только в автобусах. Оставьте на стоянке машину и ждите очереди». Пришлось нам с Андреем просить исклю-

чения – далеко ехали, и важно не только видеть, но и снимать. Нам сейчас же пошли навстречу: «Хорошо, поезжайте. Вот в этом месте поставьте палатку. Утром подъедет рейнджер. Он будет вам проводником».

И вот рейнджер (охранник парка) – симпатичная фея с длинными светлыми волосами Синди Полак. После знакомства – инструкция: «Из машины выходить можно. Можно даже залезать на машину, но с дороги – ни шагу, такой порядок».

Дорога – одна-единственная – пересекает весь парк-заповедник. Сто пятьдесят километров, с остановками ехать – как раз к вечеру одолеем. Фея ставит в укромное место свою машину, садится в нашу, и вот он, первый подарок дороги. Из кустов не спеша выбегает нарядная стайка тундровых куропаток. Сначала птицы бегут перед самой машиной, потом начинают что-то клевать на обочине. Я успеваю извести целую пленку, прежде чем птицы взлетают. Но испугались они не машины. Тень ястреба мелькнула над верхушками елок...

Национальные парки – изобретение американское. Первым был Йеллоустонский парк, учрежденный в 1872 году. Сейчас эта форма охраны природы принята во всем мире. В Соединенных Штатах национальных парков в настоящее время более тридцати. Во всех случаях это большие пространства живописных ландшафтов, богатых животным миром. В национальных парках разрешается бывать людям. Они и созданы для того, чтобы можно было увидеть чудеса

и красоты природы. В системе американских ценностей национальные парки занимают самое первое место – «им нет цены».

Аляску, если исходить из критериев учреждения этих «музеев под небом», всю целиком можно назвать национальным парком, так мало природа затронута человеком, так много тут удивительно живописных мест. И все же во всем хорошем можно отыскать уголки лучшего. В начале века на Аляске было учреждено несколько парков, получивших национальную славу. В 1980 году, когда определялась перспектива развития этого края, существовавшие парки были расширены, создано было еще несколько федеральных и около сотни парков со статусом «штатных». Не все они пока из-за малой доступности посещаются. Но это неприкосновенный запас дикой природы, которого не должна коснуться хозяйственная деятельность. Если глянуть на карту Аляски, национальные парки зелеными пятнами по ней рассыпаны, как веснушки, – тринадцать процентов всей территории. Парк Денали находится в самой середине. Его называют жемчужиной Аляски, и он имеет такую же славу в Соединенных Штатах, как Гранд-Каньон, Йосемитский, Йеллоустонский парки. Изначально парк назывался Мак-Кинли, так же как и гора в его середине, – в честь двадцать пятого американского президента. Но тут тоже исправляют ошибки поспешных названий. Мысу Канаверал во Флориде, например, названному мысом Кеннеди, вернули название преж-

нее. И здешнюю великую гору называют теперь по-индейски Денали – Высокая.

Выше Денали нет горы на северном континенте Америки. И хотя она уступает памирским и гималайским собратьям, близость к арктической зоне придает ей значительность – восходители тянутся к ней постоянно. Одну группу мы встретили на дороге – обветренные, загорелые, великолепно снаряженные восходители готовы были штурмовать сверкающую белизной гору. Синди Полак, уже привыкшая к этим группам, заметила: «Первыми восходителями на Денали были четверо золотоискателей. В 1910 году они поспорили в салуне, что взлезут на гору. И взлезли. В обыкновенных ботинках. Легенда говорит, что на спор несли они даже еловую чурку. Снизу наблюдали в бинокли: если бросят – пари проиграно».

Когда летишь на аляскинском самолете, гору видно почти постоянно. Она то ослепительно белая, то озаренная красным светом заката. Парк расположен вокруг горы. Но вечный снег лежит не только на главной вершине. Черета белых зубцов подчеркивает синеву неба. Ниже темные голые скалы, полого спускаясь, достигают полосы тундры, ниже по склонам холмов темнеют пятна еловых лесов. В долинах они смыкаются, образуя уже тайгу. Таков мир Денали, мир, совершенно не тронутый человеком. Тысячи лет территорию эту с разнообразным миром животных делили бродячие охотники индейских племен. Вооруженные копьями с костяными наконечниками и каменными топорами индейцы не могли нанести ущерба природе. Они сами были одной из ниток в сложном узоре жизни. Белые люди, впервые сюда попавшие, были очарованы красотой и богатством этого центра Аляски. Национальный парк образован был в 1917 году. Позже к прежней, сравнительно небольшой территории были прибавлены обширные пространства, ставшие периферией, буферной частью парка. На самом краю этой зоны разрешена контролируемая спортивная охота, чуть глубже могут охотиться аборигены-индейцы, а центр заповедника посещают, подчиняясь установленному порядку, лишь экскурсанты. «Увозите с собой только впечатления и фотографии» – гласит наставление для туристов.

Обширная территория парка – более двухсот километров между самыми удаленными точками – не очень доступна

для посетителей, и в этом гарантия ее сохранности и покоя. Можно, правда, получить разрешение на пешее путешествие. Но на карте вам обозначат квадраты, куда нельзя заходить, чтобы не беспокоить волков и снежных баранов, не тревожить лосей и оленей в местах отела, или где вы очень рискуете встретиться нос к носу с медведем. Желаящие остаться с природой наедине находятся. Но их немного. Основная масса посетителей парка привязана к проложенной через него дороге. Но надо сказать, именно эта дорога дает наибольшие шансы увидеть животных среди разнообразных ландшафтов. Ни в каком другом месте земли, исключая, быть может, Восточную Африку, такой возможности нет. Дорога петляет по горной тундре, открытой на многие километры. И все, что тут происходит, доступно глазу. Бинокль поможет увидеть подробности жизни птиц и зверей. Но часто бинокль и не нужен. Спектакль непуганой жизни разыгрывается рядом с дорогой, остановись и смотри.

Чтобы эту идиллию не нарушить, существуют строгие правила посещения парка. Главное из них – запрет въезда в автомобиле. Все садятся в автобусы. Их около сорока. С интервалом в десять – пятнадцать минут отъезжающие пересекают границу парка. Гравийная дорога, петляющая по холмам, и на ней желтого цвета букашки-автобусы – выразительный образ парка Денали. Очень часто автобусы на дороге сбиваются в кучу, это значит – рядом пасется медведь, ходят лоси или олени, а может быть, даже охотятся волки,

мышкует лиса.

Влияние дороги на животный мир парка тщательно изучают. И уже установлено: пятьсот – семьсот тысяч посетителей в год – предел. В другие национальные парки США пускают в автомобилях, и численность визитеров в Йеллоустон, например, достигает трех миллионов в год. Такого громадного пресса природа не в состоянии выдержать. Животные либо покидают пределы парка, либо их принуждают покинуть. Близость массы людей меняет их поведение и образ жизни. Медведи в Йеллоустоне выходят к дороге и попрошайничают либо становятся завсегдатаями свалок. Такие звери не могут нагулять жира для зимней спячки и, требуя пищи, становятся опасными для людей. Их удаляют из парка на вертолетах. Но они снова и снова сюда возвращаются.

Аляскинский Денали – единственный национальный парк США, где дикая жизнь человеком не деформирована. И вместе с тем она доступна для наблюдения. В притоке людей сюда заинтересованы владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов и лавок, расположенных вблизи парка. Но высшие интересы заставляют держаться принятых правил. И Денали, в отличие от многих других «музеев под небом», не стал жертвой своей популярности.

Службу в парке несут сто пятьдесят рейнджеров, администраторов, биологов, информаторов. Посещение парка стоит три доллара. Эту плату можно считать почти символической, если принять во внимание дороговизну пути на Аляску

и стоимость здешней жизни – за вход в небольшой городской зоопарк надо выложить десять долларов.

Привилегия ехать по парку в автомобиле, конечно, вызывает зависть сидящих в автобусе. Автомобиль можно в любом месте остановить. И можно стоять сколько хочешь. Мы не спешим. Тундра, обычно унылая, однообразная равнина, в горном Денали – праздник разнообразия. Пересекаем бурную речку. Съезжаем в долину, по которой летом сбегали воды тающих ледников. Осторожно двигаемся краем пропасти и ныряем в теснину между горами. Лес нависает над дорогой, а чуть поднимаешься выше – открываются дали с кулисами синих гор и царственной белой шапкой главной вершины.

Краски осени везде хороши, но тут природа разложила на виду у дороги ковры всех оттенков – от темно-зеленых и густо-бордовых до огненно-красных и золотистых. По буроватым разливам карликовых березок темнеет еловое черное лесье, с холмов, повторяя изгибы невидимых ручейков, стекает желтоватая тальниковая опушь, стайки пронизанных светом осинков, кажется, сами излучают солнечное тепло.

Надо бы ехать. Но мы стоим. И как в храме, хочется снять шапку... Вспомнился Бунин, умевший передать словом единение души человека с природой. Лев Толстой о подобных минутах записал в дневнике: «Вышел на Заказ вечером и заплакал от любви благодарной за жизнь». Француз де Голль, вспоминая, в такие минуты подымал кверху руки и говорил

одно только слово: «О Господи!...»

Видеть животных – всегда радость. В подмосковном лесу за день прогулки увидишь зайца – уже событие, которым окрашен весь день. Тут же почти постоянно кого-нибудь видишь. То лось продирается в тальниках, то стадо оленей трусит по мякоти тундры, евражка столбиком застыл у дороги.

Мечта всех – увидеть медведя. В парке обитают две сотни бурых и столько же черных медведей. Немножко везения, и зверя с дороги увидишь. Вот и нам посчастливилось. Синди прикладывает палец к губам – «нельзя выходить из машины» – и показывает глазами за гривку кустов. Остановившись, видим медведицу с тремя медвежатами. Пасутся, совершенно не обращая на нас внимания. Интересуют зверей какие-то корешки. Малыши ссорятся, толкают друг друга. Мамаша на это не реагирует, спокойно, чуть косолапя, ковыряет когтями землю. Но вот один медвежонок нарушил какое-то правило поведения и получает от матери такую затрепину, что кубарем катится по откосу к дороге. Сидим в машине, не шевелясь. Медвежонок с полминуты разглядывает нас в упор. Повернувшись, он затрусил к матери, но по дороге увидел что-то живое в траве, хлопает лапой, урчит. К нему устремляется брат. Опять свалка.

Минут двадцать наблюдаем эту занятную сцену. Она обычна. Каждый проезжающий по дороге в течение дня видит что-то подобное. А людям везучим приходилось тут видеть и драматические спектакли. Зоолог парка Джон Ван-

хорн рассказал нам такую историю. Рядом с дорогой на глазах у людей разыгрался поединок оленя с волком. Обычно волки охотятся стаей. Чем было вызвано нападение одиночки, не вполне ясно. Действовал волк без горячности, насккивал и отступал, не давая оленю двинуться с места. Единоборство продолжалось более суток. Экскурсанты, израсходовав пленку, готовы были дожидаться конца поединка. Но ночью оставаться в парке не разрешается. А Джон поставил палатку и увидел, чем кончилась схватка. Утомленный олень подрагивал. Его движения стали неловкими. И волк, выждав момент, вцепился оленю не в горло – самое уязвимое место, а в заднюю ногу и стал медленно пятиться к небольшому обрыву. Олень опрокинулся, и волк мгновенно его прикончил.

В природе подобные происшествия каждодневны. Но человек их не видит, разве что по следам восстановит картину происходившего. Тут, в Денали – ни в коем случае не вмешиваясь! – можно стать свидетелем частых закономерных и очень редких событий в жизни животных. В парке издается газета, где, кроме разных советов и популярных статей, ведется хроника наблюдений с дороги. Зафиксирован, например, случай нападения волков на медведицу с медвежатами. Из трех малышей волки отбили двух, и мать, обычно бескомпромиссную в защите потомства, принудили к бегству.

Кто знает повадки волков, вполне оценит пережитые нами десять – пятнадцать минут. Там, где волки гонимы, на глаза человеку они умеют не попадаться, а при нечаянной встре-

че волка увидишь только мелькнувшим. И потому снимки этих зверей в природе большая редкость. Тут, в Денали, имея терпение и время, волков можно встретить и снять, не нарушая их поведения. Происходит это потому, что на волков тут охотились очень давно, и способом, дававшим зверю большие шансы остаться живым. С открытием парка охота запрещена. Выросли поколения волков, для которых встреча с людьми ничем не грозит. И если в иных местах человек для волка – воплощение опасности, то тут, как видим, – ни малейшего страха.

В конце 30-х годов пришла хорошая мысль проследить за жизнью волков в этом парке, определить, велик ли ущерб от них оленям, лосям и всем, кто встречается им на пути. Пригласили молодого биолога Адольфа Мюри. Он сразу же понял, какие возможности перед ним открываются. Поселившись в хижине в центре парка, вооруженный биноклем, терпением и записной книжкой, ученый все свое время проводил на вершинах холмов. Волки жили выше границы леса. И от внимания ученого не ускользнуло ничто, к чему были они причастны. Многих волков зоолог стал узнавать «в лицо», пометил их именами, следил за охотой, передвижением, за воспитанием ими волчат, взаимоотношениями в группах. Установлено было: у каждой стаи есть своя охотничья территория, волки хорошие семьянины, главный воспитатель потомства – мать, свою роль выполняет также отец, но природа заботится и о страховке молодняка – наготове «дядюш-

ка» или «тетушка», вполне понимающие свою задачу.

Главный же вывод Адольфа Мюри был такой: волки не только не наносят ущерба природе парка, они тут совершенно необходимы, поскольку сдерживают излишнюю численность животных и ведут естественную селекцию, в первую очередь выбирая больных и ослабших. Когда сегодня спорят о роли волка как санитара, почти всегда имеют в виду территорию, где хищник конкурирует с человеком или прямо покушается на его достояние – домашних животных. В таких местах волки неизбежно попадают в положение гонимых. Но там, где природа избежала вмешательства человека, хищник имеет свое законное место. Таких территорий на земле становится, правда, все меньше и меньше. И потому естественная лаборатория парка Денали становится особенно ценной.

Закон о роли хищника в природе был сформулирован биологом Мюри здесь. Книга его «Волки горы Мак-Кинли» стала классикой в зоологии. Я надеялся еще встретить ученого в парке. Разыскали мы хижину, где он жил, наблюдая волков. Увы, в ней теперь обитают молодые зоологи. Патриарх, державший «под колпаком» жизнь волчьих стай, умер в 1970 году. Но дело Мюри, как я понял, умело здесь продолжают. Зоологи по-прежнему терпеливо сидят с биноклями на холмах. Но есть и новейшие средства слежения за волками – вертолет, радиопередатчики на ошейниках.

Для ученых волк – главный герой этих мест. На учете

семнадцать стай, чуть больше двух сотен волков. Наблюдают зоологи также лосей, оленей, снежных баранов. Тут счет на тысячи. И несчетно тех, кто в глаза особенно не бросается, но кто получает убежище в Денали: лисы, бобры, россомахи, куницы, зайцы, ондатры, выдры, множество птиц. Вечером, когда мы готовы были уже проститься с дорогой, из кустов на серое полотно гравия выкатилось нечто совсем незнакомое. Дикобраз! На азиатского дикобраза походил он лишь отдаленно – меньше размером, тело покрыто мехом, однако были на нем и иголки. Мы дали оторопевшему зверю юркнуть под елки и вылезли из машины проститься с Денали. Предгорья были уже окутаны густеющей синевой, а вершина еще купалась в лучах уходящего на покой солнца...

Таким был день 30 августа. Листая по дороге в Анкоридж книгу, приобретенную в парке, я долго разглядывал помещенный в ней средневековый рисунок. Неведомый художник изобразил на нем рай. Что же было в раю? Речка, деревья, цветы и множество разных животных: олени, лисы, медведи, жираф, носорог, гуси, голуби, цапля, верблюд, белки, совы, бобры, бабочки и стрекозы... Рай! Есть ли он где-нибудь? На земле же человек его видел. Но сегодня от этого рая остались лишь малые островки.

• Фото автора. 23 февраля 1991 г.

Только самолетом...

Много раз вспоминал я милый мотив, рожденный в Сибири: «Только самолетом можно долететь...» Очень подходит он для Аляски. Так же просторно, так же безлюдно, так же «поет под крылом» зеленое море леса. И видишь внизу еще речку, красную от идущей на нерест рыбы, видишь пасущихся карибу, медведя возле ручья, индейскую деревушку, домик добытчика золота. Когда на Аляске рекламируют желанную для городского жителя глухомань, на карте непременно присутствует самолет. «Мы – самый летающий штат». Главный город Аляски Анкоридж – мировой перекресток авиалиний – имеет самый современный аэропорт. Это перекресток и при местных аляскинских перелетах. За семь недель я так часто улетал и возвращался в Анкоридж, что веселый малый-носильщик стал узнавать мою кепку и дружелюбно подмигивал: «Хэллоу, Сибир!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.